

несъ тѣмъ громадную пользу русскому обществу, ибо *желаніе вывести нашего крестьянина на свѣтъ Божій изъ тьмы и мрака* должно еще съ большей силой проявиться у интеллигентныхъ русскихъ людей, которые и прежде ратовали за народное просвѣщеніе; тѣ же — довольно таки многочисленные — интеллигентные русскіе люди, которые въ образованіи народа видятъ какую то страшную общественную опасность и въ относительномъ невѣжествѣ нашего простаго люда полагаютъ опору порядка цѣлаго государственнаго строя, навѣрное задумаются по прочтеніи драмы — и, если не измѣнить въ конецъ своихъ обскурантскихъ взглядовъ, то, во всякомъ случаѣ, не съ презнею безмятежностью будутъ смотрѣть на прозябаніе народа нашего во мракѣ и невѣжествѣ.

Вотъ — каково, по моему, общественное значеніе драмы „Власть Тьмы“!

На сколько оно — важно и велико, говорить объ этомъ, кажется, нечего.

Теперь, продолжая слѣдить за ходомъ драмы, посмотримъ, на сколько *убѣдительно* удалось Автору доказать простому народу ту истину, которая формулируется самымъ заглавіемъ пьесы.

Какъ мы видѣли, Никита рѣшилъ таки наконецъ умертвить ребенка. Пискъ ребенка и трескъ его костей (Никита прикрылъ ребенка доской и затѣмъ съѣлъ на нее) поразили при этомъ своею неожиданностью преступника и въ тоже время дали ему полное представленіе о томъ страшномъ преступленіи, которое онъ совершилъ за секунду.

Съ воплями отчаянія, характеризующими всю глубину сознанія содѣяннаго злодѣянія, выскочилъ Никита изъ погреба. Сразу стало очевидно для всякаго, что Никита дошелъ уже до рокового предѣла, который былъ намѣченъ Авторомъ челоуѣку, во всѣхъ предыдущихъ дѣйствіяхъ драмы такъ легко переходившему отъ одного преступленія къ другому. Увязившаго въ началѣ лишь одинъ коготокъ, Никиту теперь смѣло уже можно считать окончательно „пропавшей птичкой“! Потому, какъ онъ отнесся къ совершенному имъ преступленію, можно уже навѣрное предвидѣть, что Никита въ конецъ разбилъ свою жизнь.

Каторга или вѣчныя страшныя угрызения совѣсти — вотъ что только предстоятъ ему въ будущемъ.

И, дѣйствительно, звѣрски умерщвленный младенецъ навсегда отнялъ душевный покой у Никиты. Тщетно пытаясь заглушить страшныя угрызения совѣсти отчаяннымъ пьянствомъ и разгуломъ, Никита приходитъ въ концѣ концовъ къ убѣжденію, что единственное, что ему еще остается въ жизни — это каторга.